

В. А. Мазиллов <https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>**«Всему начало здесь»: И. А. Кедров – первый психолог на ярославской земле**

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00157)

Статья посвящена исследованию ранних этапов развития психологии в Ярославле. В 2019 г. исполняется 175 лет со дня издания первого учебника по психологии, написанного в Ярославле. В статье приводятся факты о деятельности и творчестве И. А. Кедрова, которого мы можем считать одним из пионеров психологии на ярославской земле. Отмечается, что удивительным образом работы первого ярославского психолога предвосхищают идеологию ярославской научной психологической школы, которая формировалась спустя столетие в Ярославском педагогическом институте трудами профессора В. С. Филатова и его учеников. Согласно девизу ярославской психологической школы должно осуществляться соединение науки и практики. В работе приводятся немногочисленные сведения о жизни и деятельности И. А. Кедрова. К сожалению, о нем самом мы знаем очень мало. Но поскольку архивные исследования еще не закончены, станем надеяться, что когда-то будем располагать более подробными данными о жизни ученого и педагога. Анализируется написанный и опубликованный в Ярославле «Курс психологии» И. А. Кедрова. В статье показано, что учебник И. А. Кедрова, хотя и использует достижения немецкой философской психологии, является не компиляцией, а авторским концептуальным сочинением. Отметим, это происходит в ту пору (1844 г.), когда психология не стала еще самостоятельной наукой. Поэтому авторский подход И. А. Кедрова заслуживает особого и пристального внимания. В статье подробно анализируются авторский подход и принципы изложения материала. Особое внимание обращается на логику построения авторского курса. Прослеживаются цели и задачи психологии, показано значение психологии, по И. А. Кедрову, для науки и для жизни. Утверждается, что И. А. Кедров выстраивает оригинальную концепцию, которая изложена в книге. Выявлены основные используемые понятия. Утверждается, что некоторые разделы психологической концепции не утратили своего значения до сих пор. В частности, разделы посвященные описанию высоким уровням познавательной способности – гениальности и таланту – выглядят вполне современными. Высказывается мнение о необходимости переиздания другой книги Кедрова, что может стать настоящей сенсацией.

Ключевые слова: психология, философия, И. А. Кедров, Ярославль, учебник, душа, способность, талант, гениальность.

V. A. Mazilov

«Everything Starts Here»: I. A. Kedrov is the First Psychologist on the Yaroslavl Earth

The article is devoted to a research of early stages of psychology development in Yaroslavl. In 2019 it is 175 years from the date of the edition of the first textbook on psychology written in Yaroslavl. Data on I. A. Kedrov's activity and creativity are provided in this article, whom we can consider one of pioneers of psychology on the Yaroslavl earth. It is noted that in a wonderful way works of the first Yaroslavl psychologist anticipate ideology of the Yaroslavl scientific psychological school which formed a century later in Yaroslavl Pedagogical Institute by Professor V. S. Filatov and his pupils' works. According to the motto of the Yaroslavl psychological school, connection of science and practice should be carried out. Not numerous data on I. A. Kedrov's life and activity are provided in the work. Unfortunately, we know very little about I. A. Kedrov. But as archive researches are not finished now, we will hope that we will once have more detailed data on life of the scientist and teacher. The «Psychology course» by I. A. Kedrov written and published in Yaroslavl is analyzed. In the article it is shown that the textbook by I. A. Kedrov, though uses achievements of the German philosophical psychology, is not compilation, but the author's conceptual composition. We should mention that it occurs at that time (1844) when psychology did not become an independent science. Therefore I. A. Kedrov's approach deserves special and close attention. In the article the author's approach and principles of statement of material is in detail analyzed. Special attention is given to logic of creation of the author's course. The purposes and problems of psychology are traced, the value of psychology, according to I. A. Kedrov, for science and for life are shown. It is said that A. Kedrov builds the original concept which is presented in the book. The basic used concepts are revealed. It is claimed that some sections of the psychological concept have not lost the value now. In particular, the sections devoted to the description of the high levels of informative ability – to genius and talent – seem to be quite modern. The opinion on need of reprinting Kedrov's another book is expressed and that can be the real sensation.

Keywords: psychology, philosophy, I. A. Kedrov, Yaroslavl, textbook, soul, ability, talent, genius.

Настоящая статья приурочена к весьма знаменательной дате. В 2019 г. исполняется 175 лет со дня издания первого учебника по психологии, написанного в Ярославле [3]. Это означает, что Ярославль был не только научным психологическим центром,

но и методическим, образовательным. Это представляется абсолютно оправданным, ибо научные изыскания должны транслироваться, а наиболее надежный способ зафиксировать полученные результаты и разработки – создать учебник.

Сейчас Ярославль является признанным центром научной психологии в нашей стране. Имена лидеров и представителей ярославской психологической школы широко известны, пользуются популярностью и в России, и за рубежом. Для провинциального города в российской глубинке это, несомненно, значимое достижение. Чем более заметны успехи этого научного направления, тем более интересно, где и когда можно обнаружить корни и истоки психологической мысли на ярославской земле.

Для психологии в Ярославле значим 1838 г. 19 мая 1838 г. из Твери в Ярославский Демидовский лицей приезжает Андрей Аристов. Он назначается преподавателем философии, которая после визита в Ярославль Николая I начинает преподаваться в этом учебном заведении. В структуру курса философии теперь входит и психология (как составная часть). Философским и психологическим взглядам А. Аристова мы посвятим специальную работу.

К. Д. Головщиков пишет: 2 августа 1833 г. «вскоре после посещения императором Николаем Павловичем Ярославля и Демидовского училища был утвержден для этого заведения новый устав». В соответствии с этим уставом среди других дисциплин «к преподаванию в нем было назначено: 1)... 5) философия (логика, *психология*, нравственная философия, история философии (курсив мой – В. М.))» [2, с. 91]. Здесь лишь отметим, что преподавание Аристов строил по немецким источникам. Как отмечает Головщиков, «по Карусу, Вейссу и Шульцу»... [2, с. 91].

Обратим внимание на то, что Аристов был склонен именно к философским построениям. Поэтому мы выбираем (разумеется, условно) на роль первого психолога на ярославской земле Ивана Кедрова. В 1838 выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (окончил ее в 1837 г.), издав в Петербурге свою первую книгу «Опыт философии природы», переезжает в Ярославль и начинает работать преподавателем словесности в духовном училище. Кедров – человек явно неординарный. Прежде чем мы перейдем к характеристике его «Курса психологии», который он читал в течение ряда лет в ярославском училище, сделаем несколько замечаний.

Первое. Ко времени появления в Ярославле И. А. Кедров, несмотря на молодость, уже является сложившимся ученым. Об этом свидетельствует его замечательная книга, «Опыт философии природы», которую мы упоминали выше. Ныне она забыта, причем совершенно незаслуженно. Я убежден, что опубликование ее сегодня – более чем через 180 лет со дня написания и первого издания – будет сродни сенсации. Широко распространенная точка зрения, что русская философия в первой половине девятнадцатого столетия была вторичной по отношению к европейской и ничего оригинального собой не представляла, убедительно опровергается философскими

работами Кедрова (да и того же Аристова). Книга И. Кедрова этот взгляд не только убедительно опровергает, но более того, свидетельствует, что интерес автора к психологии не случаен. В книге 1838 г., о которой мы упоминали, отделение третье «О природе в отношении к разумным тварям» посвящено в значительной степени психологическим проблемам (оно занимает почти половину объема книги). Вторая глава этого отделения называется «О душевных болезнях».

Она убедительным образом свидетельствует, что психологические представления у молодого автора уже сформированы (напомним, автору всего 27 лет). Более того, описание нарушений (душевных болезней) строится им исходя из психологии.

«Болезнь душевная есть не что иное как уклонение душевных способностей от нормальной их деятельности» [5, с. 146]. «Посему перевес умственных отправления над отправлениями воли, или рабское угодение ума желаниям сердца, утучнение плоти, зависящее от беспечности души, или совершенное умерщвление, происходящее от излишне напряженной деятельности душевных сил, чрезмерная привязанность рассудка к одним идеям и непреодолимое влечение воли к известным предметам показывают болезненное состояние души» [5, с. 146-147].

Не будем здесь анализировать текст, который ныне недоступен большинству читателей. Скажем только, что есть основания считать И. А. Кедрова не только одним из первых русских психологов, но и по меньшей мере предшественником медицинской психологии, о которой еще никто и не помышляет. Возможно, детальный специальный анализ его текстов приведет к заключению, что мы имеем дело с одним из ранних (и оригинальных) вариантов медицинской психологии. Подход автора, повторю, не в том, чтобы идти от психиатрии, а описывать болезни души, исходя из данных психологии.

Не будем продолжать. Скажем лишь, что структура душевных способностей, используемая в «Курсе психологии», сложилась у автора за добрые шесть лет до опубликования этого труда.

Второе. И. А. Кедров не просто преподаватель, а в первую очередь, исследователь. Исходя из того, что Кедров оставил свои труды в области психологии, мы полагаем его первым ярославским психологом. Кроме того, стоит отметить, что А. Аристов в Демидовском училище больше тяготел к философии, разрабатывая подход, который соответствовал бы российской специфике. Этому вопросу мы посвятим специальную работу.

Теперь обратимся к личности автора. К сожалению, об И. А. Кедрове мы знаем очень мало. Но поскольку архивные исследования еще не закончены, станем надеяться, что когда-то будем располагать более подробными данными. Большая часть дошед-

ших до нас сведений о Кедрове содержится в статье из энциклопедии Брокгауза и Ефрона.

Кедров (Иван Андреевич) – философский писатель, сын причетника, родился в 1811 г., по окончании Санкт-Петербургской духовной академии был преподавателем словесности в Ярославской духовной семинарии [1].

Как отмечает А. А. Шевцов, Кедров был выпускником Санкт-Петербургской духовной академии, был выпущен в 1837 г. в звании магистра, завершив XII-й курс преобразованной в 1809-м г. Академии. Учился он явно хорошо, поскольку попал в число двадцати лучших из 55 слушателей [9, с. 4]. По свидетельству А. А. Шевцова, он «находился в общем философском потоке с выпускниками и преподавателями Академии, среди которых были Василий Николаевич Карпов, Федор Федорович Сидонский. Но как автор одного из самых ранних наших курсов психологии, Кедров, безусловно, стоит в одном ряду с Александром Ивановичем Галичем, Петром Семеновичем Авсеневым, Никифором Зубовским, Федором Александровичем Голубинским» [9, с. 4-5].

«Исходная точка философских воззрений Кедрова – невозможность уразумения сущности вещей посредством логических форм мысли. Формы мышления – сети, в которых мы постоянно запутываемся, принимая ложь за истину. Гораздо больше значения Кедров склонен придавать опыту, который он по примеру Канта ограничивает только миром явлений. Но явления чаще повергают ум в нерешительность, нежели открывают ему таинственный источник, из которого они проистекают. Отказавшись, таким образом, от познания сущности вещей, следует перенести центр тяжести на мир нравственный и изучать природу с точки зрения нравственности (см. «Опыт философии природы», СПб., 1838). Обстоятельный «Курс психологии» Кедрова (Ярославль, 1844 г.) является компиляцией из разных немецких сочинений по психологии, не брезгающе даже рецептами от запоя» [1].

По поводу рецептов стоит сказать следующее. Действительно, в книге Кедрова есть примечание. Приведем его полностью.

«Доктор Сальватори, по точном удостоверении в спасительном действии, купил у одного крестьянина за значительную сумму средство лечить от запоя; он передал по смерти своей жене, а жена сообщила его И. Филипову, который в Библ. для чтения за 1835 г. всем объявил секрет свой. Вот он: возьми истертой в порошок Богородской травы 1 ф., ревеню в порошок 11/2 ложки, полыни 11/2 ложки. Истерши обе травы мельче и перемешав их с ревенем, налей смесь двумя штофами полуторного вина и, хорошенько взболтав, вылей все в муравленный горшок, закрой его крышкою и, замазав ржаным тестом, поставь его на трое суток в теплое место и почаще взбалтывай. По истечение трех дней процеди жидкость сквозь чистое полотенце, весь сок из травы выжми и смешай его с тою же жидкостью; получишь настойку. Действие этого лекарства обнаруживается не во всех одинаково, одних тошнит, других

слабит и т. д. Если припадки усилятся, давать больному теплый настой Богородской травы, наливая на горсть довольно мелко изрезанной травы четыре чайных чашки кипятку. Сверх того, недели две надобно постоянно поить больного этим чаем, давая по стакану дважды в день. Но что всего нужнее, это средство надобно для успешного лечения скрывать от больного».

Отсюда совершенно ясно, что это текст, полученный неким доктором Сальватори, опубликованный И. Филиповым. К курсу психологии, составленному И. Кедровым, это отношения не имеет. Как можно полагать, причина использования таких сведений в том, чтобы «быть полезным», о чем уже упоминалось. Проблема, заметим, не решена и спустя 175 лет... Короче, резоны автора, приводящего подобный рецепт, вполне можно понять.

Итак, обратимся к самому тексту учебника. В чем его уникальность? Вот как пишет сам Кедров: «...из всех руководств по Психологии нет еще у нас ни одного, которое было бы приспособлено к понятиям не учащихся, а учащихся в средних заведениях. Восполнить этот недостаток – главная цель настоящего сочинения. Сколько успел сочинитель в своем труде, оценят люди ученые и благонамеренные. Чем пользовался, увидят мужи опытные в науке о душе человеческой. Его единственное желание быть полезным юношеству» [4, с. 25].

Обратим внимание на удивительное совпадение. Составляя курс, Кедров надеется «быть полезным юношеству», то есть соединить учение о душе с жизнью. Девизом психологической школы, которая возникнет в Ярославле через сто с лишним лет, также будет соединение теории с задачами практики.

Психология, по Кедрову, «есть наука, раскрывающая существенные свойства души человеческой и сил ее, изыскывающая взаимное отношение между способностями, показывающая причины многообразных состояний душевных, равно как условия и цель существования нашего на земле» [4, с. 27].

Кедров уточняет: «Таким образом, главный и общий предмет всех психических изысканий составляет душа человеческая – существо, одаренное способностью мыслить, желать, чувствовать и отличать себя как от внешних предметов, так и от своих собственных действий и движений» [4, с. 27].

Кедров указывает на источники знаний о душе:

– Наблюдение наше над самими собою, над обнаружениями собственной жизни. Без него мы не знали бы ничего о своей душе; оно же есть ключ к уразумению и других людей.

– Наблюдение над душевными свойствами и состояниями других людей. Известно, что в каждом народе, в каждом городе и селении, в каждом семействе и неделимом много особенностей.

– Небесполезно также для психолога обращать внимание на историческое развитие человечества в умственном, нравственном и эстетическом отноше-

ниях, на общественную жизнь народов, как политическую, так и религиозную.

– Но, признавая совершенно необходимою наблюдательность над душою человеческой, не должно чуждаться и умственных соображений, способствующих к уразумению духовной нашей жизни и деятельности. Опыт без умозрения, равно как и умозрение без опыта, есть односторонность, недостаток в науке, делающий ее неполною и неудовлетворительною [4, с. 27-29].

Анализ источников знаний позволяет Кедрову отказать от деления психологии на рациональную (умозрительную) и эмпирическую: «Посему, обыкновенное доселе деление Психологии на опытную и умственную неосновательно. Сами принимающие его часто в опытной психологии с первой страницы излагают понятия о душе вышеопытные, а в умозрительной нисходят обратно в опыт. [4, с. 31-32].

Обратим внимание на то, что Кедров анализирует методологические трудности изучения души, связанные с использованием того или иного источника. Он отмечает, что в то время (как, впрочем, и сейчас) психологию характеризует размытость терминологии: «Неопределенность терминологии составляет новое неудобство для тех, кто посвятил себя изучению Психологии; здесь чуть-чуть не повторяется смешение языков, бывшее при Столпотворении и заставившее строителей разойтись в разные стороны. Слова: смысл, ум, разум, воля, свобода, сердце и т. п. до того различно понимаются, что необходимость заставляет значения их признать условными» [4, с. 34].

Кедров формулирует задачи психологии: «Главная задача Психологии состоит в том, чтобы удовлетворительно ответить на вопросы: что такое душа человеческая, как она живет и какое ее назначение? Посему все учение о душе может быть разделено на три части, из коих в первой можно говорить о существе души человеческой; во второй – о ее силах и различных состояниях; в третьей – о цели существования нашего на земле. Но так как сознание составляет краеугольный камень для Психологии, то оно по всей справедливости должно быть ее исходным пунктом» [4, с. 39-40].

Касаясь истории психологии, Кедров называет работы Платона и Аристотеля, в более позднее время указывает на работы в области психологии: «Из новейших занимались психическими исследованиями: Локк, Декарт, Вольф по Лейбницу и Кант; в последнее время Карус, Вейс, Фрис, Вейлер, Шульц, Эшенмайэр, Гейнрот, Герbart, Беннеке, Мусман и другие» [4, с. 35-36].

Значение психологии, по И. А. Кедрову, очень велико: «Что касается до употребления Психологии, то оно сколько важно, столько же и обширно. В порядке знаний оно составляет такое звено, к которому прикрепляются все науки. От ее изучения зависит вер-

ный взгляд на природу и жизнь вселенной, на нравственность рода человеческого и воспитание его, на судьбы народов и необычайные перевороты в Государствах. Она помогает Богослову отличать истинную религию от ложной и фанатизм от здравого состояния Духа, предостерегая в то же время от мечтательности, мистицизма и кичливого мудрования в предметах веры, от ригоризма и от ревности не по разуму. Она предохраняет философа от бесполезной игры понятиями, показывая, к чему он должен стремиться в своих изысканиях и чего ожидать от трудов по своим силам. Она поведает Оратору тайны сердца человеческого и чрез то покоряет ему слушателей; без ее знания моралисты, политики, педагога и врачи никогда не могут быть опытными в своем деле; самые естествоиспытатели имеют нужду в Психологии для того, чтобы видеть цель своих изысканий, которая заключается в душе человеческой» [4, с. 38-39].

Практическое значение психологии, по Кедрову, состоит в том, что в отношении к жизни знакомство с Психологией также весьма благодетельно. Только с нею мы можем основательно знать свое место в ряду тварей и назначение, правильно ценить других и видеть отношения их к нам, употреблять надлежащим образом силы свои и ограничивать свои беспредельные, часто суетные желания. А уметь обращаться с другими и действовать на их волю – сколько зависит от знания свойств души человеческой! Мы справедливо удивляемся тем необыкновенным явлениям, которые производятся по воле человеческой физическими силами. Но не более ли дивные феномены в духовном мире могут быть следствием тончайших познаний психической жизни человека? Не без основания говорят: «...кто изучит сердечные движения, с коими сопряжены наши мысли и желания, и будет благоразумно пользоваться ими, тот в состоянии будет творить чудеса между людьми». И без причины ли самопознание издревле считалось началом и концом мудрости человеческой? [4].

Главным понятием в курсе психологии является понятие способностей. Вольф выделял две основные способности, у Кедрова их три, так как он учитывает дополнение, которое было позднее введено И. Н. Тетенсом.

«Под силами или способностями души человеческой разумеются не самостоятельные какие-либо деятели, зависящие от одного главного и подчиненные ему для порядка в общей деятельности, но просто различные обнаружения одной и той же души, или даже самые возможности (potentiae) психических действий и явлений. Допустить эти силы в душе нашей необходимо» [4, с. 89].

И. А. Кедров рассматривает душу в трех отношениях: 1) как способность разума, 2) как способность желательную, 3) как способность сердечного

ощущения. Это деление сил, по Кедрову, обнимает всю душу и имеет отношение к трем главным системам человеческого организма, как бы особенно предназначенным для тройственного обнаружения души. Сверх того, надобно заметить, что «каждая из сих трех главных способностей имеет свое место во всех трех областях психического существования под своими наименованиями» [4].

Познавательная способность души человеческой, к примеру, обнаруживается в трех главных силах: 1) в способности чувственного восприятия (*facultas percipiendi*), 2) в рассудке (*intellectus*) и 3) разуме (*ratio*). Очевидно, что все сии виды способности разума сходятся между собою, имея одну цель – познание истины; но отличаются различными сферами деятельности, орудиями и приемами познания предметов.

Способность желательная есть не что иное, как способность стремлений души нашей к внешним предметам и определение их по личным видам

Способность сердечного ощущения, говоря современным языком, эмоции и чувства. Сердце, в духовном значении, занимает средину и составляет связь между способностями познавательной и желательной, точно так, как в физиологическом смысле оно служит средоточием мозговой и желудочной системы. Оно-то главным образом и составляет душу нашу, так что все, чему надобно совершиться в нас и чрез нас, необходимо должно коснуться сердца; иначе внутренняя жизнь наша останется не развернутою и как бы в почке сокрытою, для которой холодное знание есть то же, что для растения не его воздух. А отсюда естественное следствие, что в сердце заключается начало и знания истинного и доброй нравственности. Человек без сердца не может быть ни умным, ни добрым [4, с. 258-259].

Не будем далее перечислять достоинства книги Кедрова. На наш взгляд, одно из них, явное и несомненное, в том, что она учит читателя быть лучше. Курс психологии имеет нравственное содержание. Выделение духа и души выглядит актуальным и убедительным – остается пожалеть, что современные учебники в подавляющем большинстве случаев этого не делают.

Категория души уже возвращается в современные тексты. Выскажем предположение: в самом ближайшем будущем категория духа вернется в учебники психологии XXI в. О том, что между душой и духом существуют неразрывные связи, прекрасно показано в тексте И. Кедрова.

Книга Кедрова вполне современна. В качестве примера рассмотрим его трактовку таланта и гениальности. Обратим внимание, что это особенно важно в наше время, когда ставится задача формирования педагогической одаренности. Как отмечает И. А. Кедров, нет ни одного человека, который вовсе был бы лишен разумности, но она обнаруживается

весьма разнообразно; на высших степенях умственной деятельности она является в гении и таланте.

По Кедрову, «гением называют самый высший дар человеческого разума, в котором можно усматривать как бы некоторое участие силы небесной, дыхание Ангела Светлого» [4, с. 178]. Отличительные черты гения суть

1. Изобретательность. Он творит, а не подражает тому, что уже до него сделано, и производит всегда великое; важное в отношении к потребностям человеческим и существенным целям рода нашего, а не мелочное, что доступно так называемым великим людям на малые дела.

2. Неистощимость. Истинный гений отличается от обыкновенных дарований полнотою духовной жизни и свежестью идей, по которой он всегда молод и тверд, всегда носит в себе семена для новых, вековых произведений, сколько бы ни плодотворил науку или искусство.

3. Всеобъемность того предмета, который подвергается его рассмотрению. Он производит всегда целое, стройное, гармоническое, исчерпывает идею до самой глубины ее и, если касается мимоходом чего-либо, касается так метко, хотя и неожиданно, что и здесь оставляет ясные следы своей неподражаемости.

4. Своеобразие или особенность по направлению. Гений походит на одного только себя; он налагает на все свои произведения печать своего особенного, ему одному свойственного, характера. Оттого никакие наставления не могут вдохнуть человеку гениальности; оттого ни один гений не может быть подменен другим, оттого никакой даровитый муж не может привести к концу недоконченного гениального произведения соответственно идее, положенной виновником его в основание; оттого, наконец, нередко необходимы бывают толкования на творения людей гениальных.

5. Образцовость в созданиях. Что производит гений, то могут многие посредственные умы, не понимая, осуждать из зависти, что у них отнимают пальму первенства; но никогда не может быть, чтобы гениальное произведение осталось без признательности и уважения здравомыслящих не только современников, но и потомства; гениальное всегда гениально, в каком бы роде оно ни было, в области ли науки (гении ученые) и искусства (гении эстетические) или в области политики, законодательства, нравственности и вероучения (гении практические).

6. Вообще гений оригинален в идее своих произведений и в развитии ее, в плане и его осуществлении, в самых тонких оттенках мыслей и в образе выражения. Притом он враг всякого бессмысленного вольнодумства, мечтающего отличиться пред светом тем, что противно здравому смыслу и существующему порядку вещей, всякого пустого затейничества, напрасно истощающегося в проектах и спеку-

лящих, всякого шарлатанства, думающего удивить свет хитростями и обманом, наконец, всякой неестественности, притворства, беспорядков, всего низкого в мыслях и поступках [4, с. 179-180].

Впрочем, по Кедрову, не во всех гениальных творениях упомянутые отличия встречаются на одинаковых степенях. В науке, где необходима более строгая точность и где сила мышления связывается часто условными формами, изобретательность и особое направление гения не могут обнаруживаться с такою свободою и разностью, как в искусствах. В практическом гении главное – не новость идеи и предначертаний, а польза их, удобоприложимость к житейскому быту и совершение его чрез верное достижение предположенных целей. Равно и образцовость имеет свои разности в приближении к идеалам истины, блага и красоты, так что образование, время и вкус налагают на классические творения свои клейма, которые никогда не изглаживаются и дают право им иногда на большее, иногда на меньшее внимание потомства [4].

Кедров пишет про ранние проявления гениальности: «Гений, назначенный Провидением к совершению великого, недолго может скрываться в неизвестности; еще задолго до вступления на свое поприще, еще с самого детства, он по большей части дает себя знать а) горячею страстью ко всему тому, что имеет отношение к деятельности, для которой он призван на свет, б) глубокою скорбью и досадою на самого себя, при виде образцовых произведений в кругу знаний, где ему суждено ознаменовать свое величие, в) решимостью следовать своему внутреннему призванию, которое все трудности и препятствия, кроме смерти, не только не могут ослабить, но еще более возбуждают и укрепляют. Бывает иногда, что гений обнаруживается и без этих предварительных признаков его существования; как некоторый огонь, ниспосланный свыше, он вдруг обнимает существо человеческое, овладевает способностями душевными, производит восторг в самых нервах и костях, и, подобно огненной лаве, разливается потоком мыслей светлых, высоких, веющих дыханием небесным. Но при всем том, столь внезапное и сильное пробуждение гения может быть не иначе, как при условии особенных потрясений, произведенных в нем какими-либо благодетельными обстоятельствами. К числу сих обстоятельств относятся 1) первые впечатления на юной, свежей душе, которые, как в мягкий воск, врезаются в нее глубоко, кроются долго, потом мало-помалу усиливаются, развиваются и, наконец, воспаляют гений; 2) нужды физические, нередко заставляющие человека в крайних обстоятельствах искать в себе душевных даров для облегчения своей горькой доли; 3) страсть к славе и искание бессмертия, которого жаждут самые посредственные умы; 4) соревнование к тому, что отличные мужи пользуются особен-

ным уважением и вниманием своих современников; 5) великие, разительные и близкие сердцу предметы, возбуждающие деятельность во всех умах, как, например, блистательные подвиги отечества, гром его оружия, успехи политики и промышленности, наконец; 6) упадок нравственности в согражданах и современниках (Сократ), политическое расстройство (Демосфен) и необычайные бедствия отечества (Минин). В сих же обстоятельствах, между прочим, надобно сказать, скрываются и причины того, почему некоторые народы в известное время и в известном роде были богаты людьми гениальными» [4, с. 183-185].

Интересно, что Кедров обращает внимание и на слабые стороны гения: «Многие говорят о слабых сторонах гения; с понятием о нем часто соединяют причудливости, странности, излишнюю раздражительность и необузданность духа; посему на простом языке гениальный человек часто означает необыкновенно даровитого человека, но вместе с тем такого, который не может ужиться ни с самим собою, ни с окружающим его обществом, ни с существующим порядком в гражданстве, – словом сказать, не доволен ни самим собою, ни всем светом. Здесь довольно много правды. Гений, как дар небесный, как верный инстинкт, как идеал духовного здоровья, не подвержен сам по себе никаким недугам и недостаткам; но гениальный человек, сосуд, вмещающий в себе гения, иное дело. а) Он не непрерывно руководствуется гением. Небесный гость посещает его только в часы уединения, в тиши от шума света и страстей, в минуты углубления в самого себя в одушевления тою наукою или тем искусством, о котором одном беседовать с ним нисходит гений. Во всякое другое время гениальный человек есть человек обыкновенный, со слабостями и страстями. б) Природа человеческая не перерождается и тогда, когда управляет ею гений. Характер, склонности, привычки, любимые мечты и привязанность к известным предметам, – все это остается с человеком, не уничтожается гением. Напротив, не определяется ли самый гений качествами душевными? Игривость его или меланхолия, особенная сила или нежность, не суть ли живые отпечатки физиономии душевной гениальных мужей? в) Чем порывистее, чем беспокойнее начинает обнаруживаться гений, тем более нужно искусства в его руководстве; дурное воспитание, испорченный дух времени и своеволие легко могут дать ему превратное направление и сделать его не только бесполезным, даже еще опасным для блага человеческого. История Французской революции представляет нам не один подобный пример. ... г) Наконец, гений, сам по себе всегда светлый, может помрачаться глумлением разума. Странно подумать, однако ж нельзя не признать в некоторых людях гениальности, которая действует заметно и даже неудержимо, но наперекор жизни (Байрон, Гофман).

Здесь человек находится в непрерывной борьбе с собою и то не может удержать порывов своего духа к высокому, то издевается над всем священным и возвышает низкое. В душе его носится идеал великого, но не согревает ее восторгом; одни мрачные думы волнуют ее, сквозь которые изредка, как сквозь густые тучи, ярко пробиваются светлые идеи. К чему стремится этот человек? Он сам не знает. Но настоящее всегда для него ненавистно; он беспрестанно освежал бы формы своего бытия и других, не ограничивая себя ни приличиями, ни принятыми постановлениями, ни целями существования человеческого. Его стихия – беспокойство, его характер – бесхарактерность, его жизнь – мечты и грезы о чем-то небывалом; его всегдашняя задача – воспитать род человеческий по новому плану, стряхнуть с него пыль старых привычек и закоренелых обыкновений. С этой задачей он не дает ни себе, ни другим покою, не решая, впрочем, ее, сам доставляет для нас задачу. Замечают в таких людях недостаток воспитания, но избыток умственных сил, – вот главное, кажется, начало их бурной жизни, непокоряющееся воспитание!» [4].

Интересна характеристика таланта, которую дает в своей работе И. А. Кедров. Талант, как и гений, есть природный дар производить отличное в науке, искусстве и жизни, имеющий также нужду в образовании и руководстве верными правилами. Но он отличается от гения 1) тем, что не присваивает себе творческой силы, но довольствуется развитием и прояснением с различных сторон идей гения. 2) Он имеет гораздо больше приложения к жизни, чем гений, и в обыкновенном быту необходимее последнего. 3) Гений по большей части является, подобно метеору, и мгновенно исчезает, давая задачу таланту, которой в короткое время невозможно решить, взвесить и раскрыть всесторонним образом. Посему 4) гении рождаются веками, а таланты являются во всякое время и часто в немалом числе. Впрочем, истинный гений всегда есть вместе и талант; не укрепляемый последним, он не может раскрыться во всем своем могуществе и величии. Талант обнаруживается многообразно; но из всех видов его имеют особенную важность в науках и жизни: а) Дар наблюдательности. Он состоит в открытии существенных качеств, еще никем не подмеченных в природе и между тем имеющих в некоторых отношениях немалую важность. Если же дело касается распространения наук и доставления им большей прочности, то талант оказывается не только в нахождении новых и имеющих для известной науки особливую важность сторон, но и самое содержание ее может возводить на высочайший степень достоверности, – что, без сомнения, требует глубоких предварительных размышлений и соображений. Наблюдательности противопоставляется рассеянность или ветренность, не замечающая тех черт в предмете, которые прямо ей

на глаза представляются. б) Остроумие. Оно обнаруживается в резких, метких, игривых, никакого труда для ума не предполагающих, но между тем замысловатых сочетаниях мыслей или слов. Посему нельзя назвать остряками ни тех, которых остроты слишком пошлы, плоски или не возбуждают никакой игры в уме, ни тех, которые дают ясно замечать, что им дорого стоит каждое острое выражение.

Странно впрочем, что остроумие, предполагающее богатство мыслей, живость и легкость воображения, для того чтобы сблизить между собою вещи самые разнородные, и сверх того некоторую природную легкость умственных сил, часто делается любимым предметом людей недаровитых, на которых и жаль, и смешно смотреть. Острота может нравиться только тогда, когда она благородна, простодушна, занимательна, сказана в свое время и в своем месте. Остроумию противоположно тупоумие, зависящее или от органических недостатков, или от природной слабости душевной, при которой человек с трудом понимает то, что ему вперяется в голову и что притом не требует почти никакого размышления. в) Проницательность. Она познается из отыскания в предметах, имеющих большое сходство между собою, таких свойств и разностей, которых обыкновенный ум подметить не может. Высшая степень ее есть тонкость, состоящая в различении самых сходных черт предмета, несходства которых никто не подозревал, и обращается иногда в недостаток, известный под именем утонченности.

Очевидно, что проницательность, в противоположность остроумию, требует большого напряжения душевных способностей, приобретает немалыми усилиями и утверждается навыком. Зато цель ее не легкая, умная беседа, не забава, но точность и отчетливость в науках – качества, для которых она совершенно необходима. Проницательному уму противопоставляется поверхностный, который мало того, что не может углубляться в сокровенные изгибы предметов, даже не замечает в них и найденных уже разностей. г) Глубокомыслие. Оно состоит в приведении к единству того, что остроумие забавно совокупляет, а проницательность тонко разъединяет. Его закон есть закон логического сродства или непрерывности, по которому разнородные явления природы подводятся под одни общие законы; его правило находить внутреннюю связь между самими, по-видимому, не связными предметами или событиями. Ему же одолжены мы всем, что метафизика имеет основательнейшего, хотя нельзя сказать, чтобы и сей дар не был иногда употребляем в орудие лжемудрований. В противоположности к глубокомыслию находите легкомыслие, обнаруживающееся в кривых и сбивчивых толках, выдаваемых с твердою уверенностью за истины, пока не обличат их неосновательность. Знак человека легкомысленного – толковать обо всем на удачу, произносить

дерзкий приговор о том, чего почти не понимает, беспрестанно проговариваться и думать о себе как о человеке многосведущем, ничего хорошо не зная.

д) Предусмотрительность. Это – талант, по верному познанию законов, лежащих в основании явлений, или хода происшествий в мире, безошибочно предугадывать будущее. Строго говоря, будущее кому известно, кроме Бога? Он один видит грядущие судьбы народов и участь каждого неделимого. Но Он же подчинил все в природе известным законам, которых без особенных целей и причин не переменяет, и человеку знать не отказывает. Следственно, дар предвидения, как плод зрелого наблюдения над естественным ходом происшествий и знания законов, по которым они совершаются, не неестествен человеку и может казаться чудесным только для тех, которые не верят, что в маловажных, по-видимому, обстоятельствах дальновидный ум может видеть семена будущих важнейших событий. Сюда относятся предвещения глубоких политиков касательно судьбы Государств. Само собою разумеется, что нельзя присваивать естественной предусмотрительности пророчеств, касающихся таких событий, которых ни законы, ни предыдущие обстоятельства, по которым бы можно было судить об них, совершенно неизвестны. Равным образом, тот не имеет таланта предусмотрительности, кто случайно или наугад успел предсказать что-либо будущее, оправдавшееся впоследствии времени самим делом.

е) Талант практический, или художественный. Он открывается в способности развязывать запутанные обстоятельства, удачно подмечая и обращая в свою пользу какой-либо благоприятный случай, от которого все дело получает новый оборот и который, быв опущен без внимания, не мог бы быть возвращен. Не без причины сей талант ставят выше прочих. Если жизнь частных людей, то особливо жизнь политическая, так многосложна, безопасность ее часто бывает поставлена в столь затруднительных обстоятельствах, что нельзя не быть признательными к тем героям, которые, например, спасают отечество на краю бездны, готовой поглотить его, или возвращают ему свободу и независимость, воспользовавшись выжданною минутою, без подлой хитрости или низкого коварства. И наоборот, если соображать, сколько благих предприятий в роде человеческом осталось без исполнения или испорчено или погибло в самых началах, то нельзя не пожалеть, что здесь недоставало практического таланта. Неудивительно, что такого рода таланты весьма редки; удивительно то, что они, хотя изредка, но являются. Ибо в них счастливо соединяется все – и дар наблюдательности, и проницательность, и глубокомыслие, и предусмотрительность, нередко самое остроумие; а ко всему этому присовокупляется отличное умение пользоваться временем и обстоятельствами, совершать малыми средствами великие дела. Сколько стараний и уси-

лий потребно, чтобы все дары щедрой природы развить порознь, для этого нужен талант именно практический [4].

Как легко можно увидеть из вышеприведенных фрагментов, рассуждения И. Кедрова читаются с интересом и сегодня, через 175 лет после того, как были сделаны.

В заключение статьи выскажем некоторые соображения. Прежде всего отметим, что «возвращение» книги Кедрова стало возможным благодаря издательству «Роща», которое нашло возможность для этого. Спасибо сотрудникам и руководителям издательства за это возвращение. И хочется обратить их внимание, что первая книга Кедрова – одна из первых попыток создать авторскую русскую философию – пока ждет своего издателя, чтобы вернуть идеи, высказанные ученым, в научный оборот.

История отечественной психологии до сих пор таит в себе лакуны и белые пятна. Возвращение в науку забытых имен представляется ее важной задачей. В следующей статье будут рассмотрены взгляды другого ученого, стоявшего у истоков ярославской психологии, – А. Аристова.

Библиографический список

1. Брокгауз, Ф. А., Ефрон, И. А. Энциклопедический словарь : в 86 тт. [Текст] / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1890-1906.
2. Головщиков, К. Д. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803-1886) [Текст] / К. Д. Головщиков. – Ярославль : Г. В. Фальк, 1887. – 256 с.
3. Кедров, И. А. Курс психологии. Сочинение Ивана Кедрова [Текст] / И. А. Кедров. – Ярославль : Типография Губернского Правления, 1844. – 326 с.
4. Кедров, И. А. Курс психологии [Текст] / И. А. Кедров / вступ. статья А. Шевцова ; вступ. Статья В. Мазилова. – Иваново : Роща, 2018. – 380 с.
5. Кедров, И. А. Опыт философии природы. [Текст] / И. А. Кедров. – СПб. : Типография департамента внешней торговли, 1838. – 176 с.
6. Мазиллов, В. А. Иван Андреевич Кедров: первый труд по психологии, изданный на Ярославской земле [Текст] / В. А. Мазиллов // Кедров И. А. Курс психологии. / В. Мазиллов ; вступ. статья А. Шевцова. – Иваново: Роща, 2018. – С. 9-22.
7. Мазиллов, В. А. Ярославская психологическая школа: замысел создания, возникновение, развитие [Текст] / В. А. Мазиллов // Конференциум АСОУ : сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. Вып. 2. – М. : АСОУ, 2018. – 955 с. – С. 450-465.
8. Мазиллов, В. А. Методологические проблемы исследований в истории психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Ярославский педагогический вестник. Психолого-педагогические науки = Yaroslavl pedagogical bulletin : научный журнал. – Ярославль :

РИОЯГПУ, 2015. – № 1. – Том II (Психолого-педагогические науки). – С. 91-97.

9. Шевцов, А. А. Наступила нам пора... Курс психологии Ивана Кедрова [Текст] / А. Шевцов // Кедров И. А. Курс психологии / вступ. статья. А. Шевцова, В. Мазилова. – Иваново : Рошха, 2018. – С. 3-8.

Reference List

1. Brokgauz, F. A., Efron, I. A. Jenciklopedicheskiy slovar' : v 86 tt. = Encyclopedic dictionary: in 86 vol. [Tekst] / F. A. Brokgauz, I. A. Efron. – SPb., 1890-1906.

2. Golovshnikov, K. D. Pavel Grigor'evich Demidov i istorija osnovannogo im v Jaroslavle uchilishha (1803-1886) = Pavel Grigorievich Demidov and history of the school founded by him in Yaroslavl (1803-1886) [Tekst] / K. D. Golovshnikov. – Jaroslavl' : G. V. Fal'k, 1887. – 256 с.

3. Kedrov, I. A. Kurs psihologii. Sochinenie Ivana Kedrova = Psychology course. Ivan Kedrov's composition [Tekst] / I. A. Kedrov. – Jaroslavl' : Tipografija Gubernskogo Pravenija, 1844. – 326 s.

4. Kedrov, I. A. Kurs psihologii = Psychology course [Tekst] / I. A. Kedrov ; vstup. stat'ja A. Shevcova ; vstup. stat'ja V. Mazilova. – Ivanovo : Roshha, 2018. – 380 s.

5. Kedrov, I. A. Opyt filosofii prirody = Experience of the nature philosophy [Tekst] / I. A. Kedrov. – SPb. : Tipografija departamenta vneshnej trgovli, 1838. – 176 s.

6. Mazilov, V. A. Ivan Andreevich Kedrov: pervyj trud po psihologii, izdannyj na Jaroslavskoj zemle = Ivan

Andreevich Kedrov: the first work on psychology published on the Yaroslavl earth [Tekst] / V. A. Mazilov // Kedrov I. A. Kurs psihologii = Kedrov I. A. Psychology course / V. Mazilov ; vstup. stat'ja A. Shevcova. – Ivanovo : Roshha, 2018. – S. 9-22.

7. Mazilov, V. A. Jaroslavskaja psihologicheskaja shkola: zamysel sozdaniya, vzniknovenie, razvitie = Yaroslavl psychological school: creation idea, emergence, development [Tekst] / V. A. Mazilov // Konferencium ASOU : sbornik nauchnyh trudov i materialov nauchno prakticheskikh konferencij. Vyp. 2 = Conferencium ASOU: collection of scientific works and materials of scientific practical conferences. Issue 2. – M. : ASOU, 2018. – 955 s. – S. 450-465.

8. Mazilov, V. A. Metodologicheskie problemy issledovaniy v istorii psihologii = Methodological problems of researches in psychology history [Tekst] / V. A. Mazilov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Psihologo pedagogicheskie nauki = Yaroslavl pedagogical bulletin Psychological pedagogical sciences : nauchnyj zhurnal = scientific magazine. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. – № 1. – Tom = II (Psihologo pedagogicheskie nauki). – С. 91-97.

9. Shevcov, A. A. Nastupila nam pora... Kurs psihologii Ivana Kedrova = Our time has come... Ivan Kedrov's Course on psychology [Tekst] / A. Shevcov // Kedrov I. A. Kurs psihologii = Kedrov I. A. Psychology course / vstup. stat'ja. A. Shevcova, V. Mazilova. – Ivanovo : Roshha, 2018. – S. 3-8.